

— И куда мы едем?

Младший советник Намма вытаскивает изо рта булавку. Молвит сердито:

— Изволь запомнить, дитя моё: еду — я!

Щеки надувает, будто не причёсываться собрался, а бриться. Никогда не подступайтесь с важным разговором к господину следователю Полотняного приказа, пока он занят перед зеркалом!

— А мы?

Закрутил всё-таки волосы, как положено. Надел шапку, закрепил булавкой. Выдохнул:

— Вы меня сопровождаете.

Ну, то-то же!

Юной барышне не подобает оставаться одной в Столице. Тем более, если расследование в этот раз — не в какой-нибудь глуши. Разве назовёшь глушью место, где проходит Государева Дорога? А донос пришёл как раз по дорожному ведомству. Это мы уже знаем.

Гонца с доносом батюшка принимал у нас дома. И приехал тот верхом, на очень хорошей лошади — как говорит Урасака, а он в конях разбирается. Значит, всадник, скорее всего, с востока. То есть из семи дорог Облачной страны — это та, что идёт вдоль восточного побережья. Рю, пока подавала угощенье, слышала: господа толковали про мост. Какой-то мост на той дороге, через большую реку. Любопытно: как можно украсть целый мост? Но если моста нет — наверное, есть переправа. А какие мы знаем переправы на востоке? Ведь едва ли дорогу в своё время вели к неизвестному месту, не такому, о коем в песнях поется.

*Переправа Встречная,
Где горшки узорные...*

Или:

К Сосновой переправе,

Где синие полотна...

Точно! К письму приложен был гостинец: крашенная ткань местной выделки. И не потому, что приказ наш зовется Полотняным. Гонец-то поначалу в Дорожное ведомство хотел обратиться. И уже там ему сказали, что он — жалобщик не первый. Оные безобразия Государю ведомы и расследуются, отправляйся-ка к сыщикам, в Полотняный.

— Так что случилось у Сосновой переправы, батюшка?

Младший советник обиженно всплескивает руками:

— Тайна следствия! Уже малые дети по Столице распевают о Сосновой переправе. Утечка?

— Ну, не такие уж и дети...

— «Что случилось»... Было бы это понятно — и ехать бы не пришлось. Необъяснимые проволочки в ходе работ. Мост наводят уже больше года, навести не могут. Возможно чудо. А возможно — вредительство. Будем разбираться на месте.

Всё-таки «будем», а не «буду». Вот и хорошо.

* * * * *

По пути, в возке господин Намма читает вслух всю подборку бумаг о Сосновой переправе. Даже Рю уразумела: донесения друг с другом не сходятся.

То ли лодочники испокон веков держали переправу, и дорога им выгодна, а мост — нет. Люди они богатые, подкупили строителей, чтобы те не торопились. Либо иначе: люди они разбойные, запугали рабочих, а начальство не смогло переубедить.

То ли строители сами воруют. Камня и дерева туда к переправе поставлено уже на добрых три моста — а всё мало. Будто бы опоры у западного берега реки даже и были построены, но обрушились. Только в воде их обломков что-то не видно. Зато заметны новые дома, чтобы не сказать — хоромы в столичном вкусе, возведенные по обоим берегам.

То ли порча наведена. По рассказам тамошних жителей, дорога подходит к реке в святом месте, где тревожить берег и дно запретно: речные боги гневаются. Или злятся утопленники. Известно же, как в старые времена именно там утопился от любви налоговый блюститель Троеречья (так зовется вся та земля). Кинулся в воду со словами:

*Стройные сосны
Своё отраженье
Над омутом тянут...
Пересекает поток
Путь до Столицы, к тебе...*

Печально!

Господин Канэда, смотритель над дорожными работами, пригласил было знатока Путей Тёмного и Ясного, чтобы снять заклятие. Но тот не взялся. А ведь это один из самых прославленных учёных Облачной державы — наставник Бундзин! Он и в Столице когда-то вел свои изыскания. Правда, больше не по строительной части, а по снадобьям. Но старая госпожа из дома Казначеев на его пилюлях уже девятый десяток доживает — и пережить намеревается. Сколько ж ему самому-то лет?

— Если это тот самый Бундзин, — говорит батюшка, — а не самозванец. О некоем наставнике Бундзине есть запись еще в пятой «Облачной летописи», относится к годам Всеобщего Покоя. То есть когда бабушка твоя еще не родилась.

— Может, тёзка! — говорит с козел Урасака. — Имя красивое.

В первый раз слышу, чтобы возчик наш похвалил человечье имя, а не воловье.

Рю спрашивает:

— А он подряд живёт?

— О чём ты?

— Ну, вот: медведь. Зимой — мёртвый спит, летом — ходит живой. Так два века прожить можно.

Урасака со значением кряхтит.

Все уже заметили: он не любит такие разговоры. Особенно в пути, пусть мы и едем по безопасной Государевой Дороге. Особенно — когда речи про дикое зверьё заводит девочка Рю.

Мог бы уже знать, что не все южане — оборотни. Всяко — не те, кто по-нашему говорить научился. Просто господин Намма так решил: воспитание хорошо, когда оно деятельно. Надо, чтобы не только меня чему-то учили, но чтобы и мне было кого учить. Для того ко мне и приставлена смышленная горянка. Родом она из дедушкиного жалованного имения, что за проливом, на дороге вдоль южного берега. Туда мы вместе пока не ездили. Но Рю говорит, там все такие. Смуглые, курчавые, щеки шире лба. А превращаться, конечно, умеет не каждый, а только тамошние жрицы. Медведи же в их горах некрупные, чёрные и живут в древесных дуплах. Надо будет посмотреть.

* * * * *

Приехали! Это место даже и на переправу не очень похоже. Сосны, конечно, есть. Еще и реки не слышно, а они уже — рядами вдоль дороги. Потом вырубка, дорога упирается в реку, а по обе стороны от нее — село. На другом берегу видно то же самое: дорога, село и сосны вдали. Посередине в реке — ничего, только сваи торчат. И лодочка плывёт.

А с двух сторон к нам идут здороваться. Справа — начальник уезда, счетовод, два стражника и кто-то встрёпанный: может, лекарь, или гадальщик, или сельский староста. Это всё местные чины. Старший кланяется и почтительно трогает рукой упряжь — будто бы готов сам распрягать наших волов. Но понарошку, чтобы не в обиду было возчику столичного господина. Урасака понимает, кивает важно.

Начальник немолодой, слегка опухший, платье на нем даже потрескивает при движении: такое новое, густо покрашенное. Как делают испуг на лице при

встрече гостей из Столицы он, похоже, уже забыл. Но старается изобразить, как надо. И это важно: едва ли он не знает о доносах, но за себя совсем не боится. Может, сам их и сочинял?

Рю фыркает: стражники молодые уже наострились заглянуть, кто в повозке, и вытаращили глаза. Видимо, дам здесь не ждали. Машу рукавом, чтобы Рю громко не хихикала над гостеприимцами.

Нас просят располагаться в жилых покоях при управе. Господин Намма благосклонно улыбается.

А слева мне лучше видно, кто идет: почти целое воинство с ломами, заступами и молотками. Во главе его, не иначе, господин Канэда. Тоже уже в зрелых летах, но очень изящен! Двигается, будто по лощеному полу, хотя под ногами ещё и не дорога, а кочки близ обочины. Но так идет, потупившись, словно бы за своим отражением следил во дворцовых зеркальных половицах. И улыбается не вежливо, а вполне приветливо. Очень рад, что приехали земляки, люди из Срединных земель. А что мы из Столицы, это по волам и возку сразу видно.

Господин дорожный смотритель тоже не боится. Поневоле ждешь, что окажется: они тут все сами себя оклеветали перед Государем, чтобы внимания добиться. А вообще-то никто ни в чём не виноват.

От предложения поселиться в дорожном стане господин Намма учтиво отказался. Обещал посетить, как только немного переведет дух после путешествия.

— Надеюсь также увидеть работы, — прибавил сквозь зубы, этак якобы про себя, но чтобы слышали. Пускай трепещут: сыщик из Полотняного приказа видит разницу между работами и приветственными выходами.

Господин Канэда что-то немедля записал себе на веер.

А уездный начальник излагает свой распорядок для нас. Амбары, красильни, лодочная прогулка с примечательными видами... Но прежде всего — обед.

Урасака велит здешним служкам: стойла

воловьи покажите! Обед погодит: мы ехали, а волы-то везли! Растрепанный дядька отзывается:

— Это уж первое дело! — и дальше что-то непонятное. Но судя по виду Урасаки, для волов наших лестное.

* * * * *

И вправду, не скажешь, что народ в Троеречье голодает. Угощение было, может, и не такое изысканное, как у батюшки дома, но куда обильнее, чем у матушки. И какая-то речная рыба, мы раньше такой не пробовали, но очень вкусная.

В первый раз начальник уезда искренне захлопотал, когда стали обсуждать: а где будем жить мы с Рю? Решили — все-таки у его супруги, а не у жены того всклокоченного, он же заместитель начальника, местный уроженец. Его семью мы тоже посетим, только сначала в Сосновое святилище ходим. Там жрицей служит сестрица этого заместителя, и говорят о ней чиновники опасливо.

Женская половина жилых покоев в управе отличается по запаху. Госпожа начальница лечится. Мы и не узнаём, какие это травы и коренья. Пока отдыхали, госпожа нам поведала обо всех недугах своей семьи в трех поколениях. У них дочек четыре, зятьёв тоже четверо, сколько внуков, я запуталась. И все нынче обитают в самых нездоровых местах, но — государева служба, никуда не денешься! Старший внук, как я поняла, как раз недавно перестрадал пятью детскими хворями и приступил к отроческим. При том, что младший зять еще не все те отроческие болезни избыл. Но бабка с дедом, то есть сама начальница с супругом, держатся лучше всех. И причиной тому — учёнейший Бундзин, его снадобья и уроки по части питания жизни. Нам настоятельно посоветовали к нему обратиться — на всякий случай. Вдруг найдёт какую болезнь у меня или у Рю?

Но как, спросила госпожа, вы решаетесь

пускаться в такие дальние путешествия? Это все спрашивают, даже если дело мы ведём и ближе к Столице.

— Можно ли юных девиц оставлять одних в городе? — отвечаю, как всегда. Начальница покивала. О матушке и прочей нашей родне пока не выведывает. И хорошо.

Ближе к закату мне всё-таки удалось увидеться с батюшкой. Он уже имел первую беседу с дорожным смотрителем, но нельзя сказать, чтобы из неё всё стало ясно.

— Господин Канэда — человек любезный и поистине приятный. Настолько, что трудно понять, когда он говорит неправду. Очень неудобно!

Я расспросила об этом господине поподробнее. Конечно, здешнее назначение для него не первое — он уже кем только не побывал. И каналы прокладывал, и в составлении Государева изборника участвовал, и в суде судил, и даже воинским округом начальствовал. Отзывы отовсюду наилучшие, но ни на одном месте не задержался. Потому что востребован! Есть такие должности, где общее вежество чиновника важнее прикладного опыта.

— Я тоже кое-что узнала. Учёнейший Бундзин живет не здесь в селе, а в отдельной хижине у реки, у самого обрыва.

Урасака мрачно добавляет:

— Один управляется. Без родни, без челяди. Там с ним только благовещее чудище.

— Как это?

— Говорят: пройдёт иной раз по селу или по стройке этот учёный, посмурнеет, зайдёт домой, поглядит на это своё диво — и выходит уже весёлый. А сторонним людям не всем дает посмотреть, но только достойным. Прочих же гоняет.

— Пусть только попробует, — заявляет Рю.

Батюшка продолжает:

— Как тут ведутся дела. Насколько я понял,

начальник у них старается ни во что не вникать, за то его и любят. Человек он не честолюбивый. Участью своею доволен, перевода с повышением, скорее, опасается, а не жаждет. Получается, ему выгодна отчасти недобрая слава здешних мест: мало кто рвется на его должность. А уездом правит Сосновая семья, то есть заместитель начальника, жрица и их родичи. Красильня и лодочный перевоз — их родовые промыслы.

По суждению Урасаки, всё остальное эта семья решает тоже. Как потомкам местных богов и положено. И поля, и скот, и лес, конечно.

— Если б столичные у них из рук дело стали вырывать, всё бы и развалилось. Так что начальство тут умное.

Батюшка у возчика спрашивает:

— А про мост этот местный правитель что говорит?

— Ничего. Я так понял, он мост среди своего добра не числит. Дорогу — да.

— Здешних волов ты видел?

— Видел. Ничего вола.

— Много?

— Пахотных под сотню, упряжных еще десятка три.

— Хорошо, — задумчиво молвит сыщик Намма.

И объясняет:

— На том берегу, я думаю, всё примерно так же. Никакой дурак не повезет волов через переправу. Выгодно: все восточные поставки довозятся сюда, перегружаются на лодки, потом с лодок — на здешние телеги. И в Столицу груз везут вола и возчики Соснового дома. Товары и путников из Столицы на восток — обратным порядком, уже на тамошних телегах и волах. Мост крайне неуместен.

Но почему они тогда не боятся, что мы их разоблачим? Ведь это и называется «вредительством». Подрыв Государевой дорожной сети ради местной

корысти. А они не боятся!

Я так и спрашиваю. У батюшки пока ответа нет. Замысел есть:

— Посмотрю на стройку. Схожу в святилище. Потолкую с рабочими: они-то нездешние.

— А то и в засаду сядем! — Рю очень довольна. У нас она в делах сыска больше всех любит крайние меры. Но, по совести, выслеживать исподтишка она и впрямь умеет отменно. У них на Юге так принято.

* * * * *

Просыпаюсь поздним утром. Вчера начальница и у батюшки спросила, зачем он нас с собою возит. Он с моих слов понял, как надо отвечать: в Столице воздух нездоровый! Теперь меня по моей болезненности будить не стали.

Но где Рю? Господин Намма и Урасака, понятно, пошли на стройку, как собирались. Но Рю им там ни к чему!

В усадьбе её нигде нет. А спрашивать неприлично. Это же не местные должны смотреть за моей воспитанницей.

Следить ей пока не за кем. Хотя... На что из давешних разговоров она уши особенно наострила? На целителя! Или кудесника, уж кто он есть, с благовещим чудовищем. А живет тот где-то на берегу. Посмотрим!

Спрашивается: где сейчас меньше народу? На улице или в огородах на задворках? Пожалуй, лучше идти по улице. Из-под покрывала смотреть можно только под ноги, остальное видно плохо. Но вот, кажется, и мост, которого нет. Не похоже, что там работают. Наверное, господин следователь ведет опрос. Отрывать его не годится. Пойду-ка я в сторонку, поверху обрыва.

Слева от моста камни лежат, за ними начинается заповедная роща, Сосновое святилище. По правую сторону деревьев нет, одни кусты. Жимолость, но её уже оборвали, и ещё какие-то ягоды, пока зелёные. За

кустами — овражек, ручей на дне, а по ту его сторону на склоне стоит домик. Наполовину свешивается над оврагом, опирается на столбы. В нашей округе так тоже строят, на Восточных холмах. Да кудеснику разве сложно перенести себе сюда по воздуху здание из любого края? А может, он столичных зодчих приглашал.

Вверх по склону странные следы. Одни — как если бы что-то тяжёлое, но небольшое тащили по земле, вроде мешка с поклажей. Вторые — это Рю, охотница наша. Значит, она где-то там, возле дома засела.

Ей хорошо, она босиком. А я как полезу? Даже на вид скользко. И сыро. Но для нежных дам и пожилых учёных чуть ниже по оврагу сделана лесенка из камней. Если за кусты держаться, подняться можно. Хотя начальнице, боюсь, пришлось нелегко. Она — женщина хворая, но крупная.

Ещё отсюда слышно: в доме будто гуделка гудит. Подойдя поближе, можно и слова разобрать:

— ...и если ты пока не собираешься отвергнуть мирское, то нету смысла обуздывать пять внутренних сил. Тело само тебя выведет на должные пути, будучи подкреплено киноварным раствором. Он же варится просто: зелье, уже тебе известное, надо соединить с готовой перегнанной киноварью.

Это и есть отшельник Бундзин? И кого он там наставляет?

— Что же до легкости, то и её источник в теле ты сможешь находить, сообразуя сроки опыта с круговращением небесных светил. Не будешь знать усталости по трое бессонных суток, а то и более.

Каменные ступеньки кончились. Дальше — дорожка и деревянная лестница в дом. Аварэ! Так это моя девица и слушает про киноварь! Сидит на помосте перед домом, моих шагов словно бы не слышит. А ведь ей положено замечать, если даже кто крадётся, а не ломится, как я.

Перед нею здоровенный дядька. То ходит взад-вперёд, то нависает. На две головы повыше

батюшки и больше чем вдвое шире. В заморском узорном платье, запахнутом на боку, без пояса, просто на завязках. И полы, и рукава поверх тканого рисунка еще расписаны черными здоровенными знаками. На голове шляпа с ушами и с рогами в разные стороны. Из-под шляпы свисают неужоженные волосы с проседью. Много и длинные.

Он говорит, и со спины видно, как ради звука бока колышутся. Потому, должно быть, и получается так гулко.

Перед Рю стоит треножник, на нём дымит курильница. Запах отвратительный, но она даже не морщится.

Вот так обкурят человека, он потом чему хотите поверит. И что кудеснику двести лет и он лучше знает, как и где наводить мосты. И о чём надо болтать со столичными сыщиками, а о чём — помалкивать.

—... скатать в пилюлю две части мускуса и по одной части чеснока и пастушьей сумки, а затем носить эту пилюлю у пояса. А гостям и даже гостьям подобает здороваться, посещая жилище учёного мужа.

Может, он и прав.

— И чем это наставник Бундзин изволит потчевать мою ученицу?

Это очень, очень гадко: переманивать чужих учеников. Пусть тебе будет стыдно, господин чародей!

Он поворачивается спиной к дому, лицом к лестнице. Ну и лицо! Глаза — больше воловьих. Нос как у рыбы налима. И усы тоже рыбы, тонкие и выгнутые. А еще — борода!

Рю очнулась. Моргает, хмыкает носом, но не встаёт. Говорит:

— Тут зверь с крышкой! Как у нас, только пеший.

— Как это — с крышкой? И разве звери конными бывают?

— Можете подняться и посмотреть, — сварливо гудит учёный.

Подняться всяко лучше, чем вести разговор с лестницы, снизу вверх.

Зверь и вправду похож на блюдо под высокой крышкой. Черепаха, и огромная! С половину тележного колеса. А пешая — значит, сухопутная, а не морская, как на Юге.

— Это ее следы были там на склоне?

Наставник важно кивает:

— Она предпочитает волочить хвост по грязи.

— Так вот почему тут в доме не подметают?

На полу редкостная грязь. И на помосте, и насколько отсюда видно — в доме тоже. Какие-то ошметки и порошки рассыпаны.

— Подметай, не подметай, она всё равно нанесет. А барышня зачем пожаловала? За снадобьями, за гаданием? За берегами на любовь? — спрашивает учёный.

— На любовь у меня уже есть. Чтобы дурной человек не пленился. И не пленил.

— Предусмотрительно.

— А зачем пришла — наставник уже знает. Тут моя ученица. Рю, ты встать можешь?

Подаю ей руку. Вроде, ничего, ноги не отнялись и к полу не приклеились.

— А каким наукам барышня учит свою питомицу?

— Облачному наречию, столичному обхождению и обычаям нашего дома.

— «Вашего» — то есть Конопляного?

Тут Рю проболтаться никак не могла. Или учёный нас по Столице знает, или ему местные уже рассказали, кто приехал.

— Да. Наша семья, Намма, служилая ветвь рода Конопля.

— Следовательно из Полотняного приказа — твой братец?

— Ничуть. Имею радость доводиться господину старшей дочерью.

— Рано же нынче женятся в Столице, — вздыхает учёный.

Не нынче, а почти шестнадцать лет назад. И не рано, а вовремя. Сватался бы батюшка дольше — матушка, пожалуй, и не стала бы дожидаться. По части долготерпения я — в неё.

— Сюда вы приехали — в паломничество? Или по службе?

Получается, это он меня допрашивает. А я, как дура, отвечаю.

— Не в паломничество. Хотя святилище, конечно, посетим. А наставник здесь в гостях? Или обрёл постоянное пристанище?

Он поводит усом:

— Я здесь работаю. Когда меня не отвлекают. А пристанище наше нам сопутствует, — и глазами показывает на черепаху.

Та шевельнулась. Начала поворачиваться к лестнице.

— И над чем работает учёнейший Бундзин?

— Дело моё в чем-то близко делу твоего батюшки...

Тут-то, легок на помине, и взбегает из оврага господин младший советник Намма. За ним и Урасака со стрекалом.

Батюшка отвешивает учёному очень небольшой поклон. Говорит сквозь зубы, уничтожающе:

— Дети! Вы причинили большое беспокойство домашним господина уездного начальника. Я желал бы, чтобы вы извинились.

Вот вам: обычаи дома Намма, как они есть. Сейчас с ним лучше не спорить. Учтиво кланяемся наставнику, смиренно спускаемся по лестнице. Следуем за господином сыщиком, Урасака прикрывает отступление. И уже у ручья Рю горько вздыхает:

— А знаков благих на крышке не видать...

* * * * *

Гневаясь господин Намма по-походному, кратко. Через час стал готов пообедать и побеседовать о чём-нибудь дельном, а не только о детской непочтительности.

Похоже, на стройке за нас уже всё расследовали. Подобрали хорошего подозреваемого: вредитель, и притом нездешний! Он родом из земли Идзумо, из Великого Святилища Восходящих Облаков. Там перестраивали храм Просветлённого, довольно давно уже, и старший жрец поручил этому своему человеку пригляд за строительной артелью. А он вместо помощи монахам начал им всячески пакостить, так что работы затянулись. Тянулись — до тех пор, пока его не сместили. Монахи пожаловались в столицу, старший жрец Великого Властителя Земель не заступился за подчиненного, и того сослали в здешние края. Никакой настоящей службы ему не поручили. И теперь он золото ищет: тут, в Троеречье, где никакого золота не было и нет.

Рассказывая, батюшка заметил: неужели это теперь должность такая — отвечать за просроченные работы? И в ссылку удаляться, отдуваясь за прочих? Ежели так, то выгодный, должно быть, промысел!

— И ты теперь к нему пойдёшь? — спрашиваю я.

— Нет. Он чиновник горнорудного ведомства, а не простой рабочий. Сюда его вызову, в управу.

Таков порядок Полотняного приказа. К простым людям являться лично, чтобы ценили внимание, а служилых — вызывать, чтоб много о себе не понимали.

Но к учёным мы тоже сами ходим. Это вежливо.

— Между прочим, наставник Тёмного и Ясного всё знает, что творится в управе и вокруг. Что мы приехали — знал, от какого ведомства — знал...

— И откуда я — он тоже понял, — кивает Рю.

— По тебе, — замечает батюшка ей, — мудрено вообразить, будто ты уроженка Столицы. Или что ты дитя Востока, или — переселенка с материка. За Проливом лица узнаваемые.

— Но это пока так, — успокаиваю я свою ученицу.

— Борода у него... — Рю мечтательно умолкает.

— Что — «борода»? Думаешь, он сам — из твоих соплеменников?

— Нет. Выговор не тот. Но южный обычай он знает.

— Любопытное ясновидение. Чары — или у него соглядатай в селении такой расторопный?

— Может, его зверю бегать и не надо, чтобы видеть. Мудрое чудище.

— Посмотрим.

— Да, ведь нам же, — говорю, — еще надо будет перед наставником извиниться! Что мы его от дел оторвали.

— Пойдём все вместе, — постановил господин сыщик, — и не сегодня. Пусть отдохнёт.

А перед начальницей уезда мне пришлось извиняться как раз сегодня, после обеда. *Мы исчезли, не сказавшись, это было неучтиво...* Но она — женщина добрая, не ругалась, а только соболезновала моим недугам.

Нет, младший советник Намма не питает недоверия к столичным лекарям. Просто считает: *оставлять дитя на челядь — дело недостойное*. Батюшка и из-за брата моего тревожится, хотя тот в Училище должен быть в хороших руках.

Но что же госпожа Намма? А она возится с нашим самым младшим, единоутробным братцем. Дитя сие — прозванием не Намма, а Гээн, потому как у матушки теперь муж из Обезьяньего дома. И что же, следовательно Намма прежде вот так, по всем дорогам и бездорожьям, возил свою супругу? Раз так, не диво, что она предпочла другого...

Я не стала объяснять госпоже, что плохо она знает мою матушку.

Но если в свете узнают, как барышня Намма в

глуши, вдвоём со своей дикаркой лазает по оврагам, сама вступает в разговоры с незнакомцами, без защиты занавесей, без подобающей свиты — не оттолкнет ли это... В общем, слышано не раз: никто замуж не возьмёт такую чумазую. Ведь в девицах ценятся прежде всего красота и благонравие.

— Не смею притязать на то, чтобы выделиться красою среди дев Государевой Столицы. Что же до нрава... Чем быть одной из двух-трех сотен благонравных барышень, о ком больше ничего и не скажешь... Не лучше ли, когда проходит слух: в дому чиновника такого-то живет девица-причудница? Пишет заморскими знаками. Или разводит жужелиц...

— Ах!

— Мерзких жужелиц, госпожа. Или днюет и ночует на конюшне, переодевшись мальчишкой. Или расследует злоупотребления. Многие захотят разведать, что это за диковинка. А из таких любопытных и нам с батюшкой выбирать сподручнее.

Начальница заплакала:

— Как давно я не была в Столице...

В общем, мы с нею, кажется, поладили. Никто не в обиде.

Конечно, нехорошо проковыривать дырки в перегородках чужого дома, и к тому же гостеприимного. Но иначе бы я не увидела вредителя.

Он не похож ни на горняка, ни тем более на жреца из Великого Святилища. Тощий, маленького роста. И никакой степенности в осанке. Веер в руках так и прыгает.

— О месторождениях я смогу говорить с господином из Полотняного приказа только по предъявлении грамот из Горной палаты. Что же до постройки храма, то здесь мне скрывать нечего: я пострадал за правду. Человек твоего рода должен понимать — у самого святого места державы не надобна заморская кумирня.

Батюшка не то чтобы кивает, но понимающе наклоняет голову к левому плечу.

— Если бы у монахов всё сводилось к их книгам. Избежать нового рождения в нашем мире — младенцем либо щенком, теленком... Угодно им учить, будто такая напасть возможна, а потом предлагать средства против нее — пусть! Но кроме книг есть еще заклятия. На языке дальних западных гор, невнятном даже для знатоков материковой речи. Просто так эту свою науку не передают: требуют клятв, зарок, несовместимых со жреческим служением. То есть — скрывают нечто в тайне. Неспроста! Не будь заклинание вредоносным — зачем бы его так строго защищать? Не будь в нём оскорбления богу — почему бы его не доверить божьим людям на божьей земле?

— Но главный жрец Великого Властителя Земель...

— Его соображения я знаю. Святилище наше для него — не земельное, а державное. Святыня не для страны, не для Облачных островов, а для государства. Мало жрецам нести служение, мало Государю радовать своего прародителя дарами. Хочется, чтобы ещё и чиновники, и люди с мест приходили к Великому Властителю на поклон. Сплочение. Иначе, мол, единый обряд Облачной державы возьмут на себя монахи с их поземельной храмовой сетью. К ним-то в Южную столицу паломники уже откуда только не ходят... Стало быть, мы, жрецы, тоже того хотим. Но не каждого можем допустить. Скверна! Храмовники, как известно, не боятся скверны. Будем же отделять чистых гостей от нечистых: тех принимать в Святилище, а этих отсылать в наш же ближний храм, к монахам. А в храме Великий Властитель Земель воссядет в образе новенького золоченого истукана: без Вервия и Копья, зато дородный и в сиянии. Под именем Владыки Запада — ведь край Идзумо лежит к западу от Государевой Столицы... И будет устами монахов обещать «чистую землю» любому, кто почитит его.

— «Владыка Запада»... Не влечет ли сие к расколу страны? Ведь тогда иные могут вообразить себе «владыку юга», «владыку севера»...

— Или Восхода, что уже сделали в Подгорном краю. Услышь: я Главному жрецу не судья. Родом не вышел. Но если мне велят вершить нечестивое — я буду вершить его так, чтобы оно не свершилось.

Эту мысль младший сыскной советник записывает себе на дощечку.

— Однако ныне ты здесь... — молвит батюшка.

— Увы! Сделал, что мог, и не стыжусь поражения.

— А как складываются здесь дела меж господином рудознатцем и Сосновым святилищем?

— Нам нечего делить. Будь я действительно рудознатцем или ревностным невеждой, начни я копать здесь землю в запретных рощах — тогда распря была бы неизбежна. Но я-то не делаю вид, будто не знаю, что никакого золота в Троеречье нет. Ни в подземных жилах, ни в ручьях, ни в виде чудесных самородков. Понятно же: меня сюда послали не пополнять казну, а томиться раскаянием. Я и не пополняю. Но и не раскаиваюсь. Топчусь то там, то сям, тычу заступом в чужие огороды. А что, Столице этого не достаточно?

— Сие мне неведомо. Что же касается моста: может ли господин мне что-то сказать по этому поводу?

— Мост — не моя забота. По нынешнему моему положению ссыльного я этим заниматься не приставлен. По прежнему служению... Великий Властитель привязал Троеречье к Облачным землям в век богов, святым Вервием и без всякого моста. Что думают в Сосновом святилище об этой стройке — узнавайте у жрицы. Дорожному начальству я не надсмотрщик, уездному тем более.

— То есть сказать господину золотоискателю нечего?

— Одно скажу. Не знаю, сочтёт ли господин следователь сие своим делом или чем-то важным для

своего дела. Но пока я остаюсь в Облачной стране — я жрец, и скверну я чую. Здесь в последние месяцы обосновался некий Бундзин. Так вот: этот учёный лекарь и кудесник подымает мертвецов. Пользуется ходячими трупами для своих изысканий.

Господин Намма медлит. И правда, в наших доносах было разное, но про мертвецкие чудеса речь не заходила. А писаря сейчас при разговоре нет.

— Это вопрос отдельный, — молвит наконец батюшка. — Был бы признателен, если бы получил письменное его изложение.

— Получишь, — откликается ссыльный. — В ближайшие дни.

И батюшка с поклоном его отпускает.

* * * * *

— Никакая эта черепаха не мёртвая! Холодная — но живая!

— Кто тебя просил ее трогать?!

— Меня там никто не просил. И не велел. Даже вон идти.

— А что это за наказ он тебе втолковывал?

И объясняю для батюшки:

— Я самый конец только слышала, не поняла. Как готовить какое-то зелье.

Рю начинает обстоятельно:

— Мазь, чтобы прямо по воде ходить. Хоть по полю заливному, как на равнине у вас, хоть по реке. Или по морю пешком, если волны не высоки.

— А тебе-то это зачем? — спрашивает господин сыщик.

— Да вы же все насчет переправы тут разузнаёте...

— Ах, да. Чудесный способ обдурить разом и лодочников, и мостостроителей. Замечательно, продолжай.

— Так вот, — говорит моя девица. — Начинаешь на новолуние. Лучше, если есть календарь, подгадать

на заячий день. Но можно и без этого. Лишь бы в чётный месяц. Берёшь новорожденного младенца прямо с последом. Разрезаешь вот отсюда — и досюда...

— Не показывай на себе! — по привычке перебивает батюшка.

И соображает, что она сказала. Молвит сдавленно:

— Продолжай, продолжай.

— Достаёшь селезёнку, печень, почки. Их варишь потом отдельно с вишневою корой. А внутрь туловища на их место кладёшь квасцы... Две части квасцов и пол-части... это... свежей киновари, вот!

— Начиная с киновари я, кажется, уже слышала.

— А дорассказать он не успел. Надо будет отпроситься у господина-батюшки и еще раз сходить.

— Ты рехнулась, Рю?! Какого такого «младенца»?

— Всяко не своего. Понятно: там возни-то сколько, не осилить сразу после родов. Делать всё быстро надо! А мальчик или девочка — не важно. Но человеческий. Жеребёнок, телёнок — не годится. Про обезьяну я не спросила.

Батюшка нахмурился. Лицо у него — будто съел что-то скверное. Думает. Потом хмыкает:

— А он вам не морочит голову?

— Чтобы отвадить? — спрашиваю. — Хорош лекарь с такими снадобьями! Да узнает кто из болящих дам, хоть здешняя же начальница — они ж ни одной пилюли больше у него не возьмут! Даже если это только разговоры, а не опыты!

— А зачем госпоже начальнице самой по полю ходить? — удивляется Рю.

— Слушай. Начальнице, крестьянке, морячке — кому угодно. Ты поняла или нет, чему он учит?! Ты младенца разделаешь, мази этой сваришь и наглотаешься...

— Ее не надо глотать, ею ноги натирают.

— Какая разница! А дух этого дитяти ты куда

денешь? Он же от тебя потом не отвяжется! Зачем, ты думаешь, послед с таким бережением хоронят, я уж не говорю про детей! Дух только-только жить начал, силы-то в нем сколько! Всю ж тебя высосет, если ты с ним так... Это ж совсем другое дело, чем у Девы Златоцвет с её маленькой!

Рю наконец-то задумалась.

Господин Намма качает головою:

— Или не отваживает, а наоборот. Он кроме младенцев о юных девицах речи не вёл? Хотя — откуда бы и взяться младенцам, ежели не от дур легковёрных...

Это уже, пожалуй, обидно.

— И что, батюшка: ссыльного жреца кудесник за тем же охмурял? Насчет мертвецов.

Подколоть господина сыщика не получилось. Отвечает серьёзно:

— Этого беднягу, думается мне, и охмурять не надо. Он сам себя заморочит. Его так обидели, что ему теперь непременно нужно знать, уверить себя: где бы он ни очутился, он останется тем, кто он есть. Служителем Великого Святилища. И никто с него сан не снимет, кроме его бога. И чутья на мертвецкую скверну не отнимет никто.

Подытожил:

— К наставнику Бундзину больше — ни ногой. По крайней мере, без меня.

И по-твоему, батюшка, это не жестокий произвол? Я, значит, тут тихо буду сидеть — а не пойду и не скажу этому живодёру, кто он такой?! Одно дело — жужелицы, а другое — если начнут говорить, будто барышня Намма со своей ученицей у потрошителя уроки брали!

Только я рот открыла, чтобы это всё высказать, — как доложили о прибытии господина смотрителя дороги. Пришлось убраться за перегородку. Раз уж она теперь всё равно дырявая...

* * * * *

Изблизи видно: господин Канэда — не просто изящен, но прямо-таки красив. Лицом гладок, волосы блестят, а голос не в одну дудку, а с переливами. И если не притворяется — то мало кто бывает так рад видеть следователя из Полотняного приказа.

Батюшка его приветствует любезно, но холодно. А тот холодности этой словно не замечает.

Ему радостно слышать, что глава нашего Конопляного рода и его присные пребывают в добром здравии и неусыпном попечении о благоденствии державы. Я раньше и не знала, что прабабка господина Канэды — наша дальняя родственница по браку. Понятно, что излишнее высокомерие неуместно ни с его, ни с нашей стороны. Не говоря уж о низкопоклонстве. Мы, Намма, — младшая, южная ветвь Конопля, он — из такой же младшей родни Колокольного дома. Сколь отрадна нежданная встреча столь близких семей в здешнем уединении, проникнутом духом старины...

— Радость господина дорожного зрителя — взаимна.

Батюшка это выговаривает так, чтобы слышалось: «Ах, не ждали? Напрасно!» Но господин кивает, будто что-то приятное слышит.

— В наш славный век, когда самые отдалённые области заново связываются, словно бы вервиями, узами Государевых дорог...

И помавает слегка рукавами, чтобы по шороху ткани слышно было, как удачно они у него выкрашены. Цвет-то уставной, должностной — но оцените гладкость шелка после окраски!

— ...и вести из оных областей, подобно медному гулу, доносятся до Столицы... — откликается батюшка.

Всё, теперь это надолго. Перебирая все уподобления Конопле и Колоколу — нитки, ткани, бубенцы и звонки — до утра можно беседовать, ничего толком не сказавши.

Батюшка, правда, не выдержал первым — уже

после третьей чарки. Осторожно помянул мост. Господин Канэда понимающе склонил голову:

— Мне памяты давешние слова господина следователя о промедлениях в строительстве. Подобные проволочки поистине нетерпимы?

— Увы, суждения в Столице склоняются к этому, — твёрдо заявляет батюшка.

— Что ж... Мне только остается заверить: незамедлительно будут приняты самые решительные меры.

На лице дорожного зрителя отражается искренняя радость: с неприятным вопросом покончено. Можно перейти к делам более занимательным.

— Сколь отрадно, должно быть, для родителя совмещать поездки по Государеву делу с любованием достопамятными местностями, по коим пролегает путь наших песен. Порою печальных, и все ж...

*Раньше звучала тут
Песнь перевозчика,
Ныне же смолкла...*

Для родителя, значит. Господин Канэда заметил, что за ним подглядывают? Или мы слишком шумно подслушиваем — в наших-то столичных платьях тоже трудно пошевелиться без шелеста. Придется откликаться:

*Тишь над рекой и мостом.
Чу! Вдалеке стук колес...*

— Я сам, — говорит господин Канэда, — прибывши к новому месту службы, прежде всего посетил излучину, где скончал свои дни сложивший те давние строки. Незъяснимая печаль!

Батюшка отвечает:

— Уповаю, что в скором времени семейство господина зрителя также не преминет посетить эти края — и сможет увидеть отражение нового моста в водах, принявших тело несчастного стихотворца.

Когда совсем стемнело, господин смотритель всё-таки удалился. Рю после долгого неподвижного сидения потягивается — на весь дом слышно.

— А «чу» — что такое?

— Особое слово для песен. Что значит, не знаю. Оно для красоты.

У батюшки вид усталый — как в Столице, когда он приходит из Приказа. Снимает шапку, жмурится. Надоедает держать такое казённое лицо, особенно если без пудры, одной силой воли.

Мы вылезаем.

— Какой-то кукольный, — говорю, — подследственный нынче у господина Наммы.

— Ты думаешь, им кто-то играет? — задумчиво молвит батюшка. — Руководит каждым шагом, хочу я сказать. Господин Колокольник?

— Может и не кукольный, а вышколенный. Такая кукла, что уже не надо ее перегибать: сама кланяется.

— Умение, весьма помогающее преуспеть по службе. И как раз по такой, как у него, когда требуется чиновник на все руки.

— Только оно может и мешать. Особенно если что-то неожиданное случается... Вот, к примеру, он же сейчас не с тобою говорил. А с Полотняным чиновником вообще. И не со мною, а с девицей из хорошей семьи — тоже вообще.

— А ты не зазнавайся, — отвечает батюшка почти сердито. — Если тебе удаётся видеть людей разными, так нечего думать, будто это и любому легко. Вот я сегодня утром толковал со строителями. Сейчас, к вечеру, все их лица в памяти сливаются. И рад бы думать, что они нарочно себя так вели. Но скорее всего, тут во мне дело.

— Здешних различать — долго учиться надо, — кивает Рю сочувственно.

Прикидываю: а в чём дело может быть?

— Конечно, — говорю, — им бы надо было перед тобой выделяться, ежели бы кто-то из них награды

ждал. Лично себе, за бдительность. И они бы в том друг с дружкой соревновались. Тогда бы — да. А если они готовы показания дать, только чтобы в отдельности ни на кого из них потом не ссылались? Они что рассказали-то?

Господину сыщику — не то что нам — болтать уже сегодня невмочь. Отвечает, но кратко:

— Про вредителя, который из края Идзумо. Тут вот что скверно. Рабочие не говорят: «Проснулись мы, а брёвен-то и нет». Хватает свидетелей, которые сами видели, как эти брёвна по реке уплывают. А ловить их не посмели, потому как плыли брёвна — против течения.

— И не упрекнёшь: если чудо, вмешиваться опасно и приказа такого нет.

— То-то и оно, что — «если», — хмурится батюшка.

Это уж знакомо: чего господин сыщик не любит, так это чудес. В бумагах по делу или, еще хуже, по ходу следствия.

— А дальше что?

— Толком ничего. Завтра еще Урасаку спросим: он вопросов не задавал, но слушал в оба.

Завтра так завтра.

* * * * *

— Насчёт рабочих не знаю, а с управскими людьми я тут толковал, — говорит Урасака. — Они-то со мною на равных, не отмалчивались. По всему получается, дело скверное. Видели: среди ночи ходят около моста какие-то по воде. Или летают, не понятно. И всё ломают, а щепки кидают в воду. Топоров, крючьев — ничего такого у них при себе нет, только руками да зубами орудуют. Силища страшная, не человеческая. Спросили у жрицы, она говорит: нет, это не боги здешние. Стражник, с кем я говорил, думает на учёного. Но его служивые боятся, а начальник никаких приказов о нем не отдавал.

Батюшка спрашивает:

— Раз «видели», должно быть, эти «какие-то» не невидимки. Они, по рассказам, как выглядят? Голова с котел, глаза-уголья?

— Вроде, нет. Я порасспросил: люди как люди, только без ног. А вместо ног под подолом пар клубится.

Смотрю на свою девицу. Что, мол, я тебе говорила? От той гадости, которую из младенцев варят, ноги совсем отвалятся!

— Однако, — продолжает Урасака, — возчики про этого учёного кое-что разузнали. Один тутошний парень по делам побывал в краю, где отшельник прежде подвизался. Спросил между прочим: как же это, важный господин и у вас жил совсем без челяди, только с чудищем? А те в ответ: у учёного челядинцы такие, что лучше бы их не было. И описывают всё то же: безногие, молчаливые, не жрут, не пьют, силы громадной, днем прячутся, появляются только по ночам. Правда, и по слухам, и по здешним рассказам похоже, что людей они не трогают. То есть не кровопийцы, не людоеды.

— Только этого не хватало! — батюшка щелкает веером о колено.

Всё сходится со словами опального жреца. Наставник Бундзин разводит нежить. Раз так, то нам надо срочно возвращаться в Столицу и доложить господину. Нашему господину, который не по службе, а по родству: главе Конопляного дома Асану. И дальше зловредными чудесами будет заниматься уже его палата — Обрядовая. Обидно. Выглядеть будет так, что мы, младшие родичи, не справились, чуть что — бежим к старшим, лишь бы на себя ничего не брать.

Нет, так не пойдет.

— Кстати, — встречаю я, — а в том краю, где наставник раньше жил, Государева дорога не строилась в ту пору? Возчик не поминал о ней?

Взор господина сыщика туманится. Как всегда у него: нехорошей какой-то догадкой.

— Пути? — спрашивает он, глядя мимо меня.

— Что за «пути»?

— Пути Тёмного и Ясного, они же просто Пути, наследие заморских мудрецов Роси и Сёси. Ученый наш, как я понял, промышляет по этой части, раз он зелья стряпает. Дорога — тот же путь. Господин Бундзин возомнил, что без его участия Государевы дорожники ничего толком не построят? И решил доказать это, пусть и с помощью своих странных слуг? Безногие: мало кто настолько бесстрастно может отнестись к дорожным делам. Значит, лучшие помощники...

Урасака меж тем вспоминает:

— Нет, про строительство речь не шла. Да там не до того было. Парень-то еще хвалился: вот в какие разбойные места заехал и живым вернулся, да на своих же волах! Там мятеж недавно замирили. Войска понагнали со всех соседних областей...

— Любопытно. Военный округ Девятый? — спрашивает батюшка.

— Кажется, да. А это что-то значит?

— Может быть, ничего, — отвечает господин Намма со значением. — Только не исключаю я, что это был тот самый округ, где в ту пору начальствовал над войсками здешний нынешний дорожный смотритель.

* * * * *

Попозже мы пойдём и извинимся перед наставником Бундзином — мы же всегда с извинений начинаем, а взятием под стражу заканчиваем. Но прежде, как и собирались, посетим Сосновое святилище.

К полудню собрались, причесались, нарядились, спускаемся во двор. И видим: из управы выходит ссыльный жрец. Только сегодня он не унылый, а весёлый и довольный. Батюшка и кивнуть не успел, а тот ему:

— Помню-помню! Не позднее завтрашнего утра донесение будет у господина следователя. Все грамоты.

И даже более того!

Что «более»? Призраки упокоятся и лягут к нам на писчий столик вместе с бумагами? Или своим летом прилетят дать показания? Право слово: только этого нам и не хватало! То-то неловко будет перед госпожою начальницей...

Ссылный убежал, а мы чинно двинулись к холму.

И вправду: чем ближе к святилищу, тем сосны выше и чаще. Даже темно, хотя день и светлый. И на земле ни травы, ни камней, даже шишек нет — только сухие сосновые иглы. Толстым слоем: должно быть, за много-много лет. А между ними тропинка расчищена, чтобы ходить. Но Рю подол всё равно подбирает, на всякий случай.

Очень трудно на такой тропе разойтись, когда тебе навстречу движется шествие. Господин Канэда в простом одеянии, к шапке приколоты бумажка с надписью: «Зарок!». И десятка три строителей, все в чистом. По лицам видно: они принимают решительные меры. Вот, сюда пришли помолиться — очень решительно... А рабочих у моста сегодня, пожалуй, весь день наставлять будут: как надо не пощадить тела своего и доли во имя Государевой стройки.

Святыня — за частоколом из смолистых бревен, видны только высокие верхушки стропил. Мы очищения не прошли, так что нас встречают поодаль, перед внешними воротами. Эти ворота — две живые сосны, а между ними на высоте трех ростов натянута Государево Вервие. Значит, настоящее святилище, признанное и в Столице.

Встречает староста, брат Сосновой жрицы. Просит пожаловать на помост перед её домом. Она будет говорить из покоев, через решётку. Тут проёмы не бумагой затянуты, а забраны тонкими палочками. И тоже всё пахнет смолой.

Староста садится ближе к решётке. Будет переводить, чтобы нам меньше путаться в местном

выговоре.

Господин следователь после вводных учтивостей спрашивает, как святилище смотрит на неполадки с мостом. Жрица отвечает: громко и в общем понятно, только отрывисто, будто зубы болят. Брат её плавно, по-столичному, пересказывает:

— Эти неполадки — не наши. Здешний край записан в Государевом описании земель как богатый пищей. А камнем и лесом строительным мы, видите ли, бедны. Так что дорогу снабжаем по мере своего достатка: кормим рабочих, а всё прочее для стройки возят по реке. Богам нашим в этом никакого ущерба нет. Если же какое бревно и поплыло само собою в те горы, где оно росло, — так то печаль тамошних жрецов и начальства, коли позволили для поставок рубить, что не следовало.

— Стало быть, о таких самовольных брёвнах вы слышали?

— Слышали и видели, только это не наше дело.

— Чем дольше тянутся работы на дороге, тем дольше здешним людям приходится кормить строителей. Не в тягость ли это здешнему краю?

— Мы же их кормим из казённой доли наших урожаев, не из семейной. Если кто в Столицу пишет, что они тут с голоду мрут, — так то клевета. Меняются рабочие исправно. Кабы они тут жить оседали — тогда б нам было на что жаловаться.

— Повторю вопрос, уже заданный мной в управе. Когда через реку встанет мост, не потеряют ли в доходах местные перевозчики?

Жрица с братом довольно долго переговариваются на своем наречии. Потом отвечают:

— Как потеряют — так и найдут, а может статься — и сверх того. Доход у перевозчиков — не столько с самой реки, сколько с оборота грузов. Ежели дорога протянется — и возить здесь больше будут: выгодно! Ты ж осматривал этот мост? Коли через него, как достроится, возы с зерном пойдут — всяко их

разгружать на одном берегу надо будет и нагружать на другом, чтоб опоры и балки выдержали. И делать это будут наши люди, и на лодках перевозить избыточную кладь — тоже они. Никакого разорения!

Отмахнув рукою, староста добавляет:

— Мы ж не вовсе дикари, чтоб к одной работе накрепко привязаться, а ни к чему новому не уметь приспособиться. И жадностью нашей вас если стращали, то зря. У нас народ работающий, верноподданный — но мы не попрошайки. Случится беда — недород, наводнение, всяко бывает — у нас найдётся запас, чтоб перемочься, в Столицу слёзных просьб о помощи не слать. Наш доход — казне не в убыток, а в сохранение.

Батюшка сочувственно склоняет голову. Знакомо: значит, его собеседник сам в ловушку сунулся; сейчас господин следователь дёрнет за веревочку, и сеть упадет:

— Если всё это вам так выгодно и с местным обычаем согласуется, а мост строится худо... Может статья, тут ваши враги руку приложили? Чтоб не Государю навредить, а вам?

Даже не дождавшись слов жрицы, ее брат трясёт кудлатой головою:

— Ну какие у нас враги-то? Нету у нас врагов!

— Смотрите сами, — говорит господин Намма. — Люди у вас, как вы сами подтверждаете, предприимчивые: и тут работают, и по иным краям по делам ездят, я слышал. Не могло ли так сложиться, что у кого-то из местных не здесь, в Троеречье, а в другом краю с кем-то распря вышла? А потом сюда приезжает учёный отшельник, словно кем-то прощенный — и начинаются неприятности...

Староста открыл было рот, чтобы ответить — но не успел: из-за рожи громко и резко кликнула какая-то птица. Брат жрицы вздрогнул, подхватился, заизвинялся на местном наречии, да так быстро, что я не разобрала — то ли у него живот прихватило, то ли

срок какому-то неотложному делу настал, — и боком-боком с помоста удалился. Батюшка нахмурился, хотел было остановить — но тут из-за решетки заговорила Сосновая жрица:

— Да не надо его. Я вроде понимаю. Говори. Только не быстро.

Батюшка медленно повторяет:

— Пришлый учёный. Что ты о нём скажешь?

Жрица не сразу, но откликается:

— Он нечист. Сам знает. К роце не ходит. Порчу если чинит, то не божьим людям. Боится!

С удовольствием говорит. Они тут, может, и впрямь не дикари — но когда их кто-то боится, им это явно нравится. Как псам или, скажем, котам.

Кажется, батюшка не угадал. Если наставник Бундзин напускает порчу на господина Канэду, так тот только что в святилище был, зароки принимал. Значит, скверна к нему не привязалась, раз его сюда пустили. Порча слабая — или она на самом деле не на господина дорожного зрителя наведена?

Господин Намма и сам, кажется, понял — спросил по-иному:

— А безногие призраки, которые тут на реке появляются. Что они такое?

— Чем им быть? Боги. Молодые. Слабые. С Сосновыми тягаться не попробуют.

Батюшка пожевал губами, составляя вопрос:

— Как полагаешь — учёный Бундзин им служит? Или они ему?

По жрицыному голосу не понять, то ли она сердится, то ли смеется:

— Глупо спросил. Это всегда — и так, и так. Взаимно.

Господин Намма почтительно кланяется решётке:

— Буду знать.

— Много кто не понимает. Западный рудознатец вот. Был при большом боге — очень большом. Думает, и

сам большой. Даже — тут. Думает: мне Властитель Земель дал здешнюю землю! Глупый. Земли не между людьми делены.

По лицу батюшки видно: все это ему надо обдумать. А обдумывать проще всё-таки в управе, чем на святилищной земле. Так что мы откланиваемся.

По дороге назад Рю говорит:

— Чудно! Видели — дядька птицы испугался? Было чего. Это ж, похоже, козодой, ему днем кричать не положено. Голос потеряет.

* * * * *

Пообедали при управе. Договорились: в хижине у наставника Бундзина никто ничего руками не трогает. И разумеется, подарков не берёт, угощений не принимает, с черепахами и иными чудовищами не обнимается. Под таким условием господин следовательно нас возьмёт с собою. Сам же он намерен идти к учёному прямо сейчас, ибо ему надоели разговоры вокруг да около призраков. Особенно — оттого что все этих юных богов словно бы принимают как должное. А он так не может. Хоть он и всего лишь Намма, младший родич, да всё-таки из Конопляного дома, и дела, важные для Обрядовой палаты, обойти вниманием считает недопустимым.

Урасака остаётся сторожить у входа. Мы поднимаемся в дом. Пахнет опять странно, но по-другому. Похоже, у наставника сегодня каша сначала убежала, а потом и остатки в котелке пригорели.

На что же это он так отвлекся от стряпни? Ежели он сам стряпает, а не его духи.

Не удивительно, что угощать нас хозяин и не пробует. Кивнул и смотрит выжидательно.

Мы приветствуем. Сетуем, что в прошлый раз вторглись так неожиданно и помешали ученым занятиям. Теперь же хотим расспросить наставника о здешних людях и делах.

— Спрашивайте. Только в другой раз, как

придёте, не начинайте с извинений за сегодняшнюю доуку.

Садимся на помосте. Черепахи нигде не видно.

— Итак, — начинает господин Намма, — в прошлый раз наставник Бундзин остановился на том, что его дело в чём-то близко к моим скромным занятиям. Возможно ли уточнить, в чём именно?

— И я, и господин следователь, каждый по-своему, блюдём порядок. С этой целью таскаем наших близких по большим дорогам и по сомнительным поселениям. Хотя мне и неясно, что пользы Полотняному приказу от трудов юной барышни и дикарки-подростка.

Рю уже открыла было рот, чтобы сказать: я, мол, не подросток, а уже, считай, в невесты гожусь. Сама я бы тоже заявила: или наставник не видывал настоящих дикарей, или напрасно попрекает невежеством мою ученицу. Но батюшка нас обоих опередил:

— Полотняный приказ делает мне честь, позволяя служить тем образом, какой мне больше подходит.

— Пусть лучше домочадцы у тебя на виду, чем в Столице неведомо с кем знаются?

— Пожалуй что да.

— А охрану запросить скромность не даёт? Или гордость?

Батюшка привычно объясняет:

— Здравый смысл. Будь с нами охрана, у нас бы было что красть: коней и оружие. И наводило бы на мысль, будто в возке еще есть что-нибудь ценное. Так что ездить с отрядом стражи означает приваживать разбойников, как сказано у мудрого Сёси. А в таких краях, где грабители рады будут и возку, и волам, и платью, мы вместе и не странствуем.

— Волам, платью, пленникам... Дорогим заложникам... Теперь я понял, кто ты такой, Намма. Двадцать лет назад, в Южной столице, при взятии усадьбы на Второй улице — ты был среди захваченных?

В доме у нас про те события все знают, но говорить о них не принято. Однако отшельнику наши обычаи не писаны. Батюшка отвечает:

— Дом Конопля не торгуется с захватчиками. И впредь торговаться не будет. Рад, что это многим известно вне столиц.

— Что тогда на Второй улице не все погибли, я слышал, — говорит Бундзин, — а выживших доселе не видал. Теперь ясно, почему ты не хочешь детей в городе оставлять.

Мятежники тогда засели в нашей усадьбе. Ждали, что глава Конопляного дома выбивать их оттуда не станет: побережёт свою младшую родню. Но господин Асано — приказал стрелять. По постройкам — подожжёнными стрелами, а по убегающим — простыми. Убегали смутьяны, прикрываясь нашими: старухами и детьми. Лучники были хорошие. Того злодея, что батюшку перед собою толкал, уложили, а самого его не задели.

— Вернёмся к твоим ближним, — деловито молвит господин следователь. — Кто они, сколько их и что им до моста?

Учёный покачивает усами:

— Двое крестьян, двое воинов-ополченцев, один грамотей и одна черепаха. А до моста им, по сути, дела нет.

— Они у тебя живые? Или мёртвые?

— Посмотри на себя. Ты сам — живой или мёртвый, Намма?

Батюшка мог и не уцелеть тогда, не вырасти, не принять чин младшего советника. А я тогда кто? Не живая и не убитая, а вовсе не существую? Наставник сам же и отвечает:

— Коли дело свое делаешь — видать, живой. Они — тоже.

— Какое же у них дело?

— То, с чего мы начали. Порядок наводить.

— По расчётам наставника, мост начат в

неподобающем месте? Мировые начала возмутятся, если его тут построят?

— Ты же сам не веришь, будто мировые начала возмущаются от мостов, а не от людей, — щурится учёный.

— Пока что все люди, кого я тут слышал, говорят, что хотят этот мост, и поскорее.

— А ты людей только слушаешь? Приглядываться — неучтиво?

Ах, как колко! Вот и посмотрим, насколько глубоко заглядывает сам наставник. Господин Намма внешне держит лицо. По наклону шеи, по изгибу воротника заметно: он начинает злиться. Но я-то вижу и иное: если подозреваемый пробует выставить сыщика дураком — на том и попадётся. Батюшка этого ждёт.

— Благодарю за совет, — отвечает. — Присмотрюсь.

— Один из здешних обитателей скверну чует. Другой скверны не чуждается. Третий в ней так густо вымазан, что уже и не понятно: это жемчужина, да увы, замаранная, — или это помойная яма, а в ней, о счастье, перл!

Вымолвив это, наставник поворачивается к нам широкой спиной. Только бросает напоследок:

— Как помотришь, так и увидишь.

* * * * *

Посмотреть — это правильная мысль. Если призраки всё же есть — будут ли они являться при столичном чиновнике? И при незамужних девицах. Так что мы тоже дома не остались. Слышать духов мы уже слышали, а вот видеть — ни разу не довелось. Сели с батюшкой в засаду на берегу. Мост как на ладони видно. Ночь лунная.

Сегодня после молений строители вернулись к работе. Успели настелить брёвна почти на целый пролет. Если они так усердно трудятся, мост и вправду был бы давно готов, кабы не чудеса. Или не вредительство.

Сидели мы так довольно долго. Тихо, только Рю что-то жуёт.

Чу, как говорится в песнях! На воде — даже не отражение, а просто быстрая тень. И — треск. Самое дальнее от нас бревно в настиле оторвалось. Одним концом висит над водой. И возле этого конца словно на воздухе стоит безногий. Воинская куртка на нем, штаны подвязаны, а там, где поножи должны быть, — пар клубится. Руками дёргает бревно. Оторвал, в реку бросил. Ушло под воду без всплеска, потом всплыло и тихо двинулось. Кстати, вовсе и не против течения.

Другую сторону моста разоряют еще двое. Если бы не дым вместо ног — обычные крестьяне, мужик и баба. Худые, но посильнее святилищного борца: мостовые брусья ломают, как планки веера. Еще один, очень молодой на вид, обломки внизу растаскивает, чтобы не сцеплялись в затор. Этот одет вроде братца моего: как школяр из Государева Училища. И пятый с ними есть, снаряжен опять по-военному и совсем седой. Раскачивает сваю, так что весь мост дрожит.

Брёвна трещат, доски скрипят, а сами духи беззвучно движутся. Не топают, не кряхтят, меж собой не переговариваются.

— Как не из одной своры, — шепчет Рю.

А черепахи нет. Разве что она из-под воды помогает.

И будто бы ни в селении, ни в управе, ни в стане дорожных рабочих никто не слышит ни треска, ни плеска. Даже собаки. Страшно, да. Такому безногому человека пополам разорвать — ничего не стоит. Понятно, почему их не разгоняли.

— А если огонь зажечь? Может, испугаются? — Урасака лезет за пазуху за кремнем и кресалом.

Увидели?! Пятеро остановились. Потом все сразу, одной волной, шатнулись к нашему берегу. Не прямо к нам, а пониже, под кручу. И почти сразу так же откатились к середине реки. Низко над водой понеслись вверх по течению.

Батюшка берегом — за ними. Мы — за батюшкой. Да куда там! Не видно даже, спрятались они в дом Бундзина или просто исчезли. Или у них где-то дальше логово.

— На сегодня хватит, — говорит господин Намма. Утром обсудим с местными, то ли мы видели, что и они.

Но поутру оказалось не до того. На берегу у самого моста, где когда-то певец утопился, нашли ссыльного жреца. Мертвого, лицом в воде.

* * * * *

У реки толпа, и даже не одна, а несколько. Начальник с уездной стражей, дорожный смотритель с рабочими — ворчат у него за спиной — и староста с поселянами: эти стоят и молча хмурятся. Тела из-за них не видно.

Опоздали мы, — господин Намма досадливо поддегивает рукава. Все улики, какие можно было убрать, тут уже убрали, пока люди разных господ топтались возле погибшего. Батюшка идет к нему, и шаг — такой, что расступаются даже те, кто спиной к нам стоял. Мы с моей девицей следом за ним не решились двинуться, только Урасака. Помогать при осмотре тел — его работа.

А начальники между собой бранятся. Нет, господин Канэда не станет потакать дурному обычаю: «очищают чужаки». Хотя покойник и найден близ места дорожных работ, очищение после смертной скверны пускай проводят местные. Сам же смотритель ручается за своих людей: ни строители, ни смотрительские челядинцы к этой кончине не причастны.

Мы — тем более ни при чём, — отвечает ему начальник уезда. Деревня и управа ночами спят. Если до сих пор, за два года работ, смотритель не спохватился выставить ночную охрану у моста, хотя известно, что странности на стройке случаются как раз по ночам, то это не может не наводить на определённые

размышления...

— То есть свидетелей преступления нет, — мрачно заключает господин Намма. И выпрямляется над телом во весь рост.

— Преступления?! — голос родича нашего Канэды звучит удивленно. Только удивление, не больше. — Согласитесь, здешние прославленные края... Словом, разве не последовал этот несчастный примеру прошлого? *Пересекает поток путь до Столицы, к тебе...*

Староста взглядывает на господина следователя. С вопросом, но словно бы не к нему, а к себе самому: разглядел ли сыщик то же, что и деревенские видят? Раз говорит о преступлении — похоже, да.

— Редко кто, — молвит староста, — прежде чем топиться, этак себя изуродует.

Смотритель кивает на мостовые сваи:

— Течение быстрое... Тело могло... м-мм... пострадать уже в воде.

Господин следователь досадливо качает головою:

— Ножи, во всяком случае, тут едва ли из воды торчат. Это убийство.

После этого слова все загудели. Крестьяне подаются ближе к строителям. Строители кивают на вооруженных стражников. А начальник делает шаг навстречу батюшке. Достает из-за пояса должностную дощечку:

— Прошу внимания! Следствие по уголовным делам — в ведении уездной власти. Мы рады будем всякой помощи столичных представителей, однако...

Таким голосом он при нас ещё ни разу не говорил. Без крика, но очень резко, перекрывая весь ропот и даже шум реки.

— Однако. — утвердительно отвечает господин Намма. — Следствие ведётся уже несколько дней. Убит по меньшей мере важный свидетель. Уже начавший давать показания. Разумеется, Полотняный приказ

также будет рад любой *помощи* местных властей.

То есть: отныне всё, что вы скажете и сделаете, будет считаться либо помощью Государеву сыску, либо наоборот.

Начальник и батюшка глядят друг на друга. Долго глядят. А жрицын брат говорит:

— Да что ж, поможем...

Господин Канэда переводит дух почти благостно. Но — рано. Староста продолжает:

— Только вот насчет покойника... Мы как теперь: сами скверниться должны? Или эти, — кивок на строителей, — пускай хоронят?

Эти, якобы, уже осквернены, раз убитого нашли на месте их работ. Или — хуже того...

Господина смотрителя дороги, как видно, посетила новая удачная мысль:

— Относительно похорон. Не обратиться ли нам за содействием...

И тут же мысль на лице его из светлой преобразается в очень нехорошую. Медленно, чтобы все её рассмотрели:

— ...к наставнику... Бундзину...?

— Духи!? — вскрикивает кто-то из поселян.

Конечно. Как раз к тому месту, где нашли мертвеца, безногие ночью и метнулись, а потом улетели.

Надо спросить: есть ли на мертвом кроме обычной смертной скверны еще следы зловредного чуда? Ссылный жрец из Великого Святилища наверняка такое определяет...

Не спросишь. Вот он лежит, наш важный свидетель. Мёртвый и мокрый. Что-то я не сообразила...

Рю тоже собирается реветь. Батюшка обращается к нам:

— Если кто намерен рыдать над телом, пусть остаётся здесь. Я направляюсь осмотреть дом убитого.

Ну, тут уж у нас выбора нет.

* * * * *

Домик у рудознатца старый, но обустроенный. Пол выметен, циновки чистые, утварь расставлена в порядке. Жил он тут один, стряпал сам, и похоже, старался хозяйничать как следует. Хотя и в изгнании. И к делу Государеву подошел без лени: много навёз сюда всякой снасти для поисков золота. Мерные шесты, верёвки, весы, гирьки, какие-то лотки и сетки.

Батюшка наклоняется над столом. Там тушечница с засохшей тушью. И кисточка не вымыта.

— Кто-нибудь видит бумагу? Хотя бы чистую? Или дощечки, или на чем он мог писать?

А вот нет. Ни полотна, ни бумаги, ничего. Запас сухой туши ещё есть, кистей много. И только.

Господин Намма добавляет:

— На теле его донесения тоже не было. По крайней мере, когда я подошел.

— А что бы, батюшка, он там мог написать, как по-твоему?

— Этого мы сейчас выдумывать не станем. Досочинялись уже.

И впрямь — мы же вчера вечером и думать забыли, что он обещал: сегодня прийти с донесением. Значит, мы тоже виноваты. Кто-то тогда нашего свидетеля перехватил. И убил, а записи забрал.

Батюшка это сообразил ещё прежде нас. Потому и глядит так, будто глаза его где-то далеко-далеко. И ходит, словно пляшет перед Государем: медленно, от столика к очагу, от очага к горным снастям...

Берёт моток верёвки. Начинает разматывать.

Если это верёвка для разметки тех участков, где золото, то была бы она накручена на колышек с насечками, чтобы не соскальзывала. Здесь — нет. В середине мотка — плоская и узкая писчая доска.

Урасака подходит заглянуть. На дощечке выведены знаки. И оттиснута красная печать.

— Что написано, господин?

Батюшка, сощурившись, читает:

— *«Расписка. Выдана казённому рудознатцу*

уездной управой в принятии от него на хранение мелкого золота общим весом восемь мер с четвертью для последующей отправки в Столицу.» Помечено вчерашним числом, печать здешней Управы.

— Аварэ!

Рю говорит:

— Во как! За золото, выходит, его и зарезали?

— Не получается, — говорю я ей. — Он эти восемь мер вчера сдал в управу. И получил взамен вот такую расписку. Значит, вечером у него уже золота не было.

— А воры — что, знали? — Рю разводит руками.

— Он, может, и подозревал, что его ограбить хотят, затем золото и унёс отсюда. Под охрану.

— Или ему, — говорит Урасака, — доску сюда подбросили. Те же, кто золото украл. Чтоб с начальника уезда спрос был, куда оно делось.

— Очень сложно, — отзывается батюшка. — Чтобы подделать такую грамоту, надобно иметь доступ к уездной печати. И владеть языком казённого делопроизводства. Кто-то из управы пытается таким образом погубить своего начальника? Иначе я не вижу смысла оставлять на месте грабежа эту расписку.

— Староста?

— Будем не гадать, а разбираться. Вот что мне странно. Позавчера я бы нипочём не догадался, что у него намыто уже столько золота. Восемь мер — это примерно вот такой горшок.

Господин Намма указывает на кухонный котел. И продолжает:

— Записи в этом доме наверняка были. Не думаю, что тушь тоже подброшена. Если бы так — подбросили бы и то, на чем писать. Хотел бы я знать: все свои грамоты уничтожил сам ссыльный? Или его убийца?

— Вот бумажка! — кричит вдруг Рю.

На пороге листок. Только что его тут не было. Урасака под нос себе бранится. Кто-то подошёл к

самому дому, а мы не видали и не слышали. Куда это годится!

Господин сыщик читает и эту записку вслух:

— Воробей, утопившись в колодце, обращается в устрицу. Тушь, просочившись сквозь землю, становится киноварью. Смиранный отшельник ждет поборников закона для продолжения беседы. Мировые начала, сами видите, существенно сместились.

— Как это понимать?

— Учёнейший Бундзин торопится дать показания. Пока цел. Я иду к нему. Вы — ждите меня в управе.

— Но, батюшка...

— Господин! — говорит Урасака. — В этом доме следы заметали, да вот, недоглядели. Если в управе тоже начнут... А там-то покоев много, везде не приберёшь. Как бы не подожгли, я опасаясь. Может, лучше вам всем — к отшельнику, а я в управе пригляжу?

— Да что мы, из пожара не выберемся? — возмущаюсь я.

— Ты, барышня, выберешься, и Рю тоже. А волов тоже вы выводить будете? Нет уж!

* * * * *

Сегодня в кои-то веки наставник Тёмного и Ясного не занят наукой. Встречает нас на ступеньках над оврагом.

Приглашает к себе. В доме у него всё еще не метено, но хотя бы проветрено. Чудище тут, а где духи, непонятно.

— Хотел бы я, — говорит наставник батюшке, — чтобы у господина следователя было время самому разобраться в здешних загадках. Но судя по тому, где тебя застало мое посыльное божество, тебе теперь не до моста.

— Не вижу причин разделять эти два дела: мост и убийство.

— В таком случае, раз речь идет уже и о

кровопролитии, времени может не хватить *мне*. Хочу предложить тебе соглашение.

— Предлагай, — отвечает господин Намма с видом: дом Конопля порой всё же торгуется. Но с очень большим разбором.

— Тебе не миновать везти меня в Столицу. Скрываться я причин не вижу. Но не хочу, чтобы за мной последовали божества. В нынешнем их виде они не готовы к путешествию. Ко встрече со столичными истребителями скверны — тоже. Мне надобны два дня, чтобы собраться в дорогу. И уверенность в том, что ты понял, как обстоят дела с мостом.

Батюшка складывает руки. Прячет левую ладонь в правый рукав, правую — в левый.

— Кто ломает брёвна, я видел. Оpozнал среди них двух крестьян, двоих воинов и одного школяра. Трудно было не связать эти обличия с прежними должностями господина Канэды: орошение земель, порубежное воеводство, составление Изборника. Духи слынут твоими приспешниками, хотя привлечь их всех сюда из разных краёв, скорее, мог бы нынешний дорожный смотритель.

— Они боги молодые, им в одиночку трудно. Потребовалось проводить их. И ограничить их гнев. Направить.

— Направить на Государев мост, отведя — от чего?

— От кого. От человека, который их погубил. Не злою волей, но злостной глупостью по службе. Поселян смыло при прорыве дамбы, возведенной к сроку, но с изъянами. После чего господин Канэда получает повышение и знамя воеводы. Солдат у него не в бою убили, они с голоду померли. Затем, за бережение казенных харчей, господину следует очередной чин и назначение в Столицу. Некий неопытный певец предлагает для Изборника свою песню о солнечном восходе. Господин помощник составителя, разбирая те строки, обнаруживает в них измену Государю и

Облачной державе: слишком много о солнце и мало об облаках. Следы ведут в Подгорный край? Мятеж? В ссылку за такое, а не в Изборник! Мальчишка-сочинитель, спасая родню от позора, кончает с собою. Канэде — новый чин, новое назначение: строить дорогу в Троеречье... Ты не считаешь, что лучше недостроенный мост, чем сданный к сроку — и рухнувший под возами? Или под конём Государева гонца?

— Ты хочешь сказать, эти духи преследуют своего погубителя. Но чуждаются смертоубийства? Отчего бы им врага попросту не задушить? — господин Намма поводит бровью, — Силы их с избытком хватило бы...

— Хватило бы. Но есть две причины, по которым я счёл это неуместным. Во-первых, молодому божеству, убивши раз, трудно остановиться...

— Причина, достаточная сама по себе.

— Во-вторых, — невозмутимо продолжает Бундзин, — что пользы, если Канэда умрет, а за что и почему, так и не откроется? Я полагаю, урок важнее кары. А с проступками мёртвого разбираться всегда труднее, чем с преступлениями живого. Не правда ли, господин следователь?

— Соглашусь. Но в таком случае меня озадачивает появление убитого в этом деле.

— Появление, — подымает палец наставник. — Да, тела бы не нашли, если бы не мы. Поплыло бы вниз по течению, было бы выловлено там, где некому его опознать. Или вовсе бы не было найдено.

— Так это твои боги его вытащили на берег! — соображаю я. — А кто его в реку бросил, они видели?

Ученейший Бундзин горько усмехается:

— Если и видели, не запомнили. Это не был их супостат. Прочие для них все равны. Сомневаюсь, что даже столичные заклинатели сумеют от них добиться внятного свидетельства. Тут уж Полотняному приказу придётся справляться без божественной помощи.

Господин Намма долго молчит. Глядит то ли на наставника, то ли сквозь него. Прикидывает, врёт ли Бундзин? По-моему, не врёт. Или батюшка уже сопоставляет его показания с тем, что мы сами нашли? Говорит учёному:

— Хорошо. Два дня у тебя есть. Брать под стражу богов Полотняный приказ не собирается. Изволь позаботиться об их дальнейшем поведении.

Неучтиво разворачивается и молча спускается в овраг.

* * * * *

А в управе всё скверно. Пожара нет, а драка есть. И что самое неприятное — дерётся наш Урасака, с каким-то местным стражником. Оба уже на дворе, один с мечом, другой со стрекалом, оба в крови, но на ногах держатся. Начали, похоже, еще в доме — дверь вынесена. Впрочем, к тому времени, как мы подоспели, уже никто никого не бьёт — стоят друг напротив друга, каждый ворчит себе под нос что-то неподобающее для моего слуха, а вокруг кольцом — прочая челядь. Уездный начальник обоих ругает — поприличнее, но всё равно гневно.

Батюшка, раздвинув стражу, входит в круг, переводит холодный взор с одного вояки на другого. Негромко спрашивает:

— Кто зачинщик?

Те переглядываются и оба отвечают:

— Я!

— Полагаю, господин начальник уезда, — поводит плечом господин Намма, — сейчас каждому из нас стоит сделать выговор *своему* человеку. Потом сличим показания.

Берёт Урасаку под локоть и заводит в отведенную нам комнату. Мы с Рю — следом.

Рана, похоже, не тяжёлая — длинный порез и много крови, но неглубоко.

— Заживёт! — заявляет Рю, вытаскивая травки из своего запаса.

— Этому бедолаге больше досталось, — ворчит Урасака, но уже как-то беззлобно. — Я ему руку проткнул.

— А зачем? — любопытствует батюшка.

— Дело было так, господин. Я вернулся, сходил к волам, зашел в ваши покои, чтоб тут тоже чего не спёрли. А потом приходит этот парень — мы с ним еще давеча о призраках толковали. И говорит: «Оба мы — люди при господах, давай столкнемся. Ты своего следователя убедишь, чтобы он в наши дела не лез, ну, с рудознатцем мёртвым. А я своего начальника уговорю вам с мостом не мешать. А уж если поврозь у них получится, что во всем один учёный отшельник виноват, — так тому и быть». Я в ответ: скверная служба, когда господин у служилого на верёвочке! Ну, слово за слово — и получилась свара. Извините!

Разводит было руками, но Рю на него шипит, чтоб перевязывать не мешал.

— Я в гневе, — сообщает господин Намма. — А если бы вы друг друга убили?

Урасака делает виноватое лицо и собирается падать в ноги, но тут Рю уже наготове была.

— О верёвке и дощечке речь, стало быть, не заходила? — задумчиво спрашивает батюшка. Урасака тарачит глаза:

— Обижаете, господин!

— Тогда я потолкую об этом с местным начальством. И заодно извинюсь за твою безобразную несдержанность.

Батюшка двинулся в личные покои уездного начальника. Мы — в соседний закуток, чтобы всё слышать. Урасака остался здесь: вещи-то и вправду надо сторожить.

* * * * *

Из-за перегородки ничего не видно, дырку вертеть я на этот раз не решилась. Но слышно хорошо.

Оба даже извинялись недолго. Перешли к делу.

— Грамоты из дома погибшего изъяты с ведома

управы? — спрашивает батюшка.

— Разумеется, — спокойно молвит начальник. — Согласно указаниям о надзоре за ссыльным: в случае его кончины все записи должны быть доставлены в управу и опечатаны.

— И что, все доставили?

И мы слышим, как господин Намма шуршит чем-то в рукаве. Начальник тоже мог бы понять: не чем иным, как его распиской.

Но говорит он всё еще миролюбиво:

— Господин следователь! Полагаю, пора размежевать наш сыск и твой. Ты же понимаешь, что здесь в земле никаких жил нет и быть не может. Потому рудознатца сюда и выслали. Чтобы место своё знал.

— Откуда же взялись «восемь мер с четвертью»?

— А это золото не рудное, а литое и чеканное. Восемь слитков и еще мелочь: шпильки, бляшки. Не моё и не твоё золото, и тем паче не этого бывшего жреца.

— А чьё? — спрашивает батюшка будто бы участливо.

— Здешних запасливых людей. То, что накопили лодочники за годы перевоза. То, на что им жить при неурожае, при наводнении или пока будут привыкать к новой дороге и к новой работе при ней. У нас тут храма нет, чтобы монахам ценности оставить на сохранение. А в святилище Сосновом металла не держат. Нельзя!

— Значит, клад был зарыт где-то близ поселка, а золотоискатель его нашел?

— Нашел, выкопал, ему и на ум не пришло: тут чьё-то чужое добро, пусть лежит, как лежало. Решил, что это божий дар ему, опальному, во избавление. Принес горшок ко мне сюда, чтобы в Столицу под охраною переправить.

— Вчера утром он за этим сюда приходил? — спрашивает господин сыщик.

— Да, перед тем как вы в святилище отбыли. Я золото принял, расписку написал, как положено. Откажись я, он бы к тебе с этим кладом пошел.

Хорошо, что не пошел. А то бы...

— И что ты собирался делать дальше? — спрашивает батюшка.

— Золото закопать, где было, расписку так или иначе изъять. Я грабить своих людей не позволю.

— «Так или иначе», понятно.

— А ты не торопись. Не то ты понял. Я горшок назад снести не успел. Деревенские яму увидели...

— ...вызвали старосту со святилищного двора, где он с нами сидел, — продолжает батюшка. Рю дергает меня за рукав: вот, я же, мол, говорила, это не козодой!

Начальник вздыхает:

— И со старостой явились ко мне. Я объяснил: пропажу их я найду, а их дело — не шуметь и только доставить мне мою дощечку из дома ссыльного.

— А тот сам оказался дома, — говорит батюшка уже жёстче.

— Всё еще глупее вышло. В доме у него ребята побывали. Они неграмотные, так что выгребли всё, что нашли исписанного, принесли мне. Расписки нет. Я послал их искать ещё, а рудознатец тем временем вернулся, увидел разгром и устроил засаду на вора.

— А твои поселяне его взяли и допросили. До смерти.

Управский начальник молчит.

— И кто его зарезал? — настаивает господин Намма.

Даже нам слышно, как начальник набирает воздуху:

— А вот этого, господин следователь, я тебе не скажу. Это мои люди, и разбираться с ними буду я. Мост тут, сам видишь, ни при чём.

— Хорошо бы, если бы так. Ты понимаешь, что они у меня свидетеля убили? Который уже дал показания изустно и обещал ещё письменные принести.

— Его донос на учёного? Да забирай. Это дело ваше с дорожным смотрителем. Ссылный, кажется,

перед смертью и впрямь дал исчерпывающие показания.

По голосу слышно: а докажите, мол, что это не вы избавились от свидетеля!

Кажется, теперь понятно, почему в Облачной стране все считают: ежели кого загадочно убили — это постарался Полотняный приказ...

К нам батюшка вернулся с доносом и без расписки.

Записи бывшего жреца о Бундзине и духах прочитал. Свернул, опечатал, приобщил к делу. Как дополнительное свидетельство не первой важности.

* * * * *

Красильни мы посмотрели, на лодке покатались. А на третий день двинулись в обратный путь. Уездный начальник настоял на том, чтобы дать нам охрану, и на этот раз батюшка отказываться не стал. Потому что с нами ехали для дачи объяснений в Полотняном приказе по делу о строительстве моста сразу трое. Господин дорожный смотритель всю дорогу занимал нас любезной беседой — он, похоже, ни о чем не тревожился. Наставник Бундзин молчал в усы и про потрошение младенцев не распространялся. И его благовещий зверь, на радость Рю: ничего не вещал, жевал травку. А призраки за нами не погнались. Наставник обещал, что и на разбирательство они лично не явятся. Хорошо бы так и получилось...